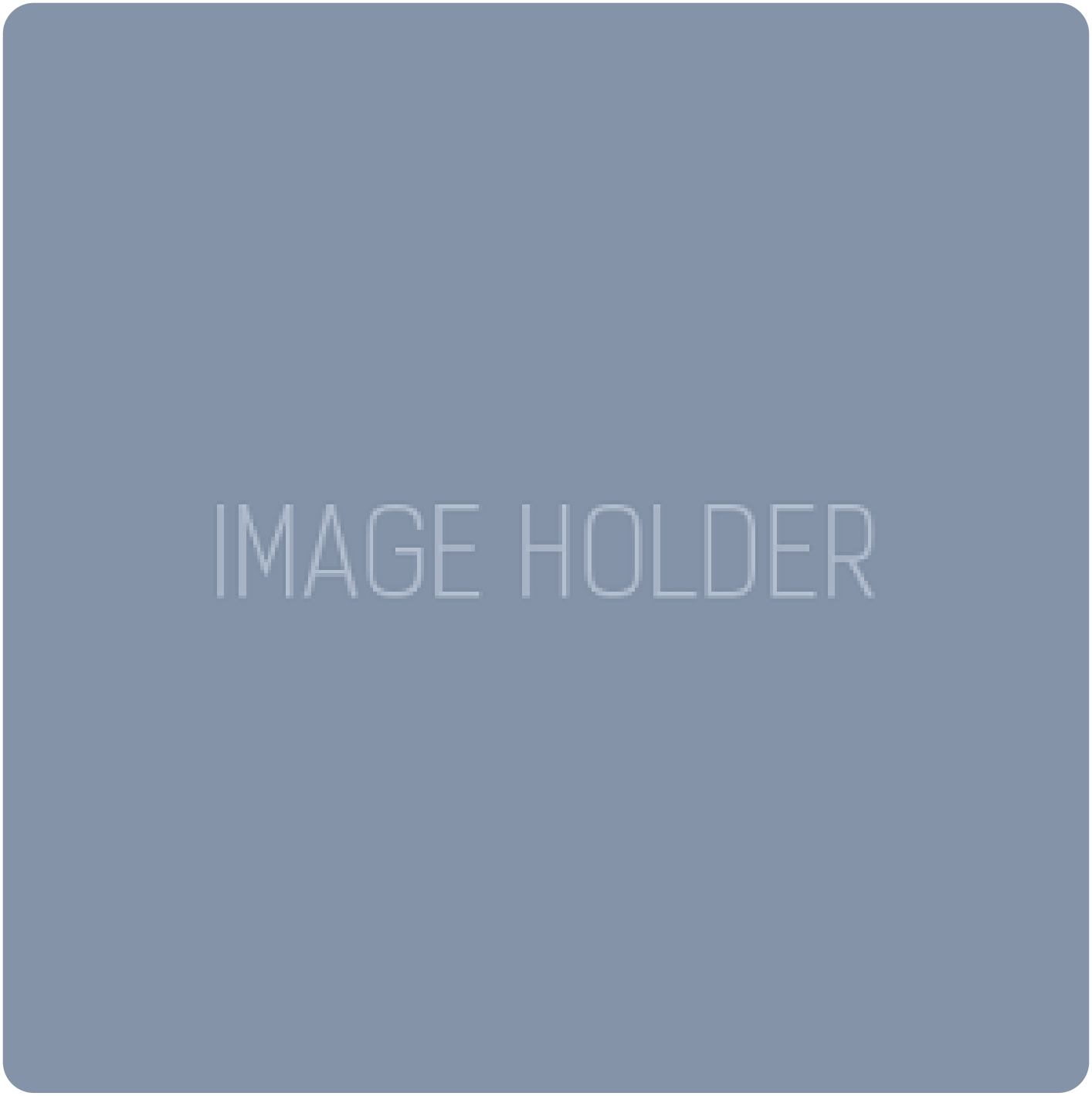

Чемодан Менделеева

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox zlayaNastya

Ссылка на публикацию

Пролог

Великий русский учёный-химик Дмитрий Иванович Менделеев, создавший таблицу химических элементов имени себя, имел безобидное хобби - на досуге

он делал чемоданы. Однажды, гуляя с друзьями-профессорами, Дмитрий Иванович зашёл в лавочку, торгующую саквояжами и чемоданами, где был весьма почтительно встречен тамошним приказчиком. Дмитрий Иванович отдал готовый чемодан, а взамен взял сырьё для нового.

- А Вы знаете, кто это был? - спросили спутники учёного у приказчика лавки.

- А как же-с! - ответил круглолицый ярославец, - Знаем-с! Сам Дмитрий Иванович Менделеев! Известный чемоданных дел мастер! Завсегда у нас бывает!

А изготовленный тогда Дмитрием Ивановичем чемодан в тот же день купил молодой офицер, пришедший в лавку в сопровождении некой барышни. Офицер был поручиком Петрищевым, а барышня - его невестой - Анной Ивановной Мухиной.

Поручик Петрищев был человек, в общем-то, неплохой и вполне себе порядочный, хотя по службе звёзд с неба не хватал. Происходил он из обедневшего дворянского рода Смоленской губернии. Родители оставили ему некоторые средства и небольшой деревянный домик недалеко от Александро-Невской Лавры, на берегу Обводного, половину которого поручик сдавал внаём, а половину занимал сам. Было ему на тот момент двадцать пять лет. Чемодан же они с невестой - Анечкой Мухиной, приобрели для грядущего свадебного путешествия.

Его невеста - Анна Ивановна Мухина, была родом из городка Осташков Тверской губернии. Отец её был мелким чиновником, служившим по почтовому ведомству. Чинов, звёзд и прочих жизненных благ господин Мухин не выслужил, жил тихо и скромно с четырьмя детьми - тремя сыновьями и единственной дочерью Анечкой. Супруга его скончалась ещё лет тринадцать назад от родов и новорожденный - хилый и недоношенный мальчик - тоже не выжил. Иван Поликарпович так больше и не женился. Дом вела его тёща - обедневшая помещица Прасковья Алексеевна Распопова, приехавшая для этого из своего разорённого имения ещё в 60-е годы, сразу после отмены крепостного права в России.

За несколько лет до начала нашего повествования стоял в Осташкове на постое ******-ский пехотный полк в коем в должности ротного командира служил некий князь Д***, которого определили на постой в дом к Мухиным. В те времена обыватели несли такую повинность - обязаны были принимать на постой служилых по гражданской и военной части. Таким образом и попал к Мухиным князь Д***. Житьё в Осташкове казалось князю скучным и унылым. Проведший всю свою прежнюю жизнь в Первопрестольной Москве и столичном Петербурге,

привыкший к тамошнему обществу, осташковских обитателей князинька находил кем-то вроде папуасов из Новой Гвинеи. От нечего делать князь принялся волочиться за хозяйской дочкой - Анечкой Мухиной. Он считал девушку просто очередным развлечением от скуки, игрушкой, которую можно сломать и выбросить в угол, когда надоест. Но тут вмешался папенька - почтовый чиновник Иван Поликарпович Мухин. Наивная шестнадцатилетняя Анечка влюбилась в армейского волокиту без памяти и отец - мягчайший и тишайший, коим покойная жена и ныне здравствующая тёща, да и все остальные тоже - крутили и вертели как вздумается - вдруг проявил необычайную для него твёрдость и настойчивость, вызвав князя для серьёзного мужского разговора, в ходе коего "милостивому государю" князю Д*** было поставлено условие - или жениться, или оставить девушку в покое. И князь, кривясь, словно разжевал лимон, был вынужден просить у господина Мухина руки его дочери. Ибо князь был не только волокита и ловелас, он был трус. Согласие было дано, князь был в ужасе, но тут, на его счастье, полк перевели и князинька, напутствуемый горячими благословениями и не менее жгучими слезами покидаемой невесты, отбыл в туманную даль. Прошёл год. За это время Анечка, полюбившая его в разлуке ещё сильнее (всему причиной было её не в меру пылкое воображение), получила от жениха всего одно, или два письма, весьма сухих и холодных, хотя сама ему писала чуть ли не каждый день. За это время князь очень выгодно и удачно просватался в Петербурге к дочери некоего графа К***, особы приближённой ко двору, дававшему за единственной дочерью приданое в несколько тысяч. Наивная почтмейстерская дочка Анечка Мухина ни о чём таком не догадывалась. А дело у князя было на мази и шло к свадьбе. Но мир не без "добрых" людей, которые и рассказали Анечке о коварстве её жениха. Два дня бедная девушка прорыдала у себя в комнате, а на третий решилась ехать в Петербург. Дело было как раз на Пасху. Свадьба коварного князя была назначена на Красную Горку, или Фомину неделю - следующую после Пасхальной. Отец и старшие братья решили ехать с ней. План действий у всех был отчаян и прост - узнать, в какой церкви будет происходить венчание, заявиться туда и обличить неверного негодяя. И план вполне удался. Дело в том, что в ходе совершения обряда православного венчания священник задаёт жениху и невесте вопрос: "Не обещалися еси кому другому?" То есть - не были ли брачащиеся связаны помолвкой с другими людьми? Были ли они свободны? И вот когда священник обратился с таким вопросом к князю, то наш жених, не задумываясь, солгал под венцом, ответив "Не обещался". На что сейчас же Анечка Мухина, выбежавшая из-за колонны, где стояла до этого весь обряд - она видела, как заходил в храм её неверный жених под руку с невестой - воскликнула:

- Неправда! Он обещался! Мне обещался и лжёт теперь под святым венцом!

И вышедшие вслед за ней отец и братья это подтвердили. Ропот пробежал по толпе гостей. Кто-то явственно произнёс:

- Какой скандал!

Священник тут же прекратил обряд и со скорбью произнёс, что он не может совершить этот брак. После чего ушёл в алтарь. Свечи погасли и хор, певший уже молодым "Греди, голубице!" замолк. Слова девушки произвели на собравшихся эффект разорвавшейся бомбы. Невеста, так и не ставшая женой, вскрикнула и повалилась в обморок на руки своего отца, графа К***, который с удовольствием дал бы князю пощёчину, но руки оказались заняты. Отец Анечки ушёл объясняться со священником, а сам князь, бледный, с желваками на скулах, попытался было скрыться, но был остановлен и так же принужден давать объяснение. И он вынужден был признаться, что Анечка не лжёт. Бесчувственную невесту, так и не ставшую женой, погрузили в карету и увезли домой, скандализированные гости поспешили разъехаться. Князь тоже вернулся в свой дом, где в зале был накрыт стол для так и не состоявшегося брачного пира, и там напился, как сказали бы сейчас - в хлам. А на следующий день, уже к вечеру, когда князинька пробудился в тарелке с бланманже, денщик Мишка принёс ему письмо.

- Что это? - сквозь великий звон и треск в похмельной головушке спросил князь.

- Не могу знать! - по-военному отрапортовал Мишка, став во фрунт, - Осмелюсь доложить - поручик Петрищев принесли с утра-с! Велели передать лично в руки-с и сказали, что беспременно будут ждать ответа-с! А Вы, вашсиятсво, как же это с дочкой того чиновника-то, а?

- Не твоё дело, болван! Пшёл вон!

Князь распечатал письмо, страдая от срама и тоски. Как он и думал - в письме был вызов на дуэль от сослуживца - поручика Петрищева.

К концу XIX века, во времена царствования Александра III Миротворца, дуэли уже не только не были запрещены законом - они поощрялись. Царь перевёл их в разряд бытовых споров и способа разрешения конфликта между дворянами. Высочайшее мнение по поводу этого было таким: "Дуэлируйте на здоровье, но без смертоубийства!" Наследовавший ему последний русский царь Николай II придерживался того же мнения.

Итак - князю прислали вызов, уклониться от которого, будучи даже семижды трусом, наш князинька не мог. Люди тогда, сто лет назад, были несколько другие. И нормы морали, даже в простонародной среде, сильно отличались от

нынешних. За свои слова принято было отвечать. И были тогда люди куда более щепетильны в вопросах чести. А поручик Петрищев, к тому же, был юноша пылкий и романтический. Сейчас таких уже не делают. Многие ли из современных мужчин способны вступиться за честь незнакомой девушки?

В тот же день в полку состоялся офицерский "суд чести" в ходе которого офицеры полка постановили разрешить Петрищеву поединок с князем, а так же решили руки штабс-капитану князю Д*** не подавать и просить его подать в отставку. То есть, по-современному, - объявили ему бойкот. И князь написал прошение об отставке и в ожидании ответа на него ходил одинокий и всеми презираемый. Даже нижние чины хихикали ему вслед.

И поединок состоялся, поручик Петрищев был даже легко ранен и глубоко удовлетворён. После чего поручик Петрищев сделал предложение Анечке Мухиной, которая, конечно же, узнала о дуэли и, конечно же, согласилась выйти замуж за такого замечательного и благородного юношу. Свадьба была небогатая, но зато весёлая и гуляли на ней все офицеры ***-ского пехотного полка во главе с командиром, самим генералом С***, расстрелянным большевиками в 1919 году.

А тем временем - на пороге стоял новый век, век XX, и очень скоро большинству стало не до дуэлей и даже не до чести с совестью. "Честью и совестью", спустя неполных двадцать лет, была объявлена некая самозваная политическая партия с более чем сомнительной репутацией и невнятной идеологией.

Брак оказался удачным. Однако через год началась русско-японская война, поручик попросился в действующую армию, был ранен под Мукденом, попал в плен, дважды бежал, второй раз удачно, был награждён Георгиевским крестом, вернулся с войны уже штабс-капитаном. С женой они родили троих детей - двоих сыновей и дочь, а чемодан Менделеева служил им верой и правдой. Анна Ивановна ездила с ним в гости к родным в Осташков, на курорт в Финляндию и пару раз на воды в Кисловодск. А потом грянул 1914 год и Первая Мировая война. Петрищев, ставший уже к тому времени капитаном, снова оказался в действующей армии и погиб в Восточной Пруссии при отступлении армии Самсонова. Через три года подоспела революция, а потом ещё одна.

Анна Ивановна умерла от голода в Петрограде зимой 1918-19 годов. Старший сын - четырнадцатилетний Максим, бежал из дома в Белую армию и где-то сгинул. Младшие - Ваня и Катя - остались на руках тётки - вдовы материного брата, приехавшей за ними из Осташкова, но так и не сумевшей выбраться из осаждённого Юденичем города. А потом так и оставшейся в домике на

Обводном. Но это была уже совсем другая жизнь.

Глава 1. Хронологическая

Петроград. Февраль 1918

Холодало. Воздух делался буквально на глазах - резок и невероятно прозрачен, как бывает в сильные морозы. В зеленеющем вечернем небе, таком же невероятно чистом и холодно-резком, дрожали от холода первые звёзды. Человек медленно шёл между огромных, почти в его рост, сугробов, которые никто не убирал. В старой заношенной шинели, похожей на женский салоп, в башлыке поверх фуражки, и нелепом кашне, намотанном для тепла. Человек вёз на салазках гроб. Миновав Гончарную, человек углубился в переулки за Николаевским вокзалом и вышел к Обводному каналу. Тропинка стала совсем узкой. Возле обледенелого трупа лошади ворча и переругиваясь, возилась стая бездомных собак. Человек шёл вдоль Обводного в сторону Александро-Невской Лавры. Но не дойдя до неё, свернул в один из неприметных переулков. Дорожка была расчищена, и вскоре человек со своими санками протиснулся в заднюю калитку деревянного домика.

Анна Ивановна, услышав стук в заднюю дверь, поначалу испугалась. Она подумала, что это опять пришли с обыском, или, что было самое страшное - брать заложников. Но тогда бы они вошли через главную дверь. Выглянув в кухонное окошко, Анна Ивановна не увидела в сумерках никого. Стук повторился. Нет, эти так не стучат - подумала она и решилась подойти к двери.

- Кто там?

- Анна Ивановна! Это я!

Голос показался знакомым. Анна ахнула и бросилась открывать.

Человек с гробом на санках был князь С. - бывший командир полка, в котором служил её покойный муж, капитан Петрищев.

С. вышел в отставку после русско-японской войны и с тех пор почти не жил в Петербурге, много путешествуя по России и за границей. Анна Ивановна слышала, что он увлекался историей, в основном древнейшей, этнографией и археологией. Последний его приезд в город был незадолго до начала Мировой войны - на Пасху 1914 года. Тогда С. ненадолго зашёл к ним. Князь никогда не чинился и с бывшими подчинёнными-офицерами держался запросто. Русское дворянство, вопреки сложившемуся в советские времена представлению, было

очень демократичным. Тогда князь рассказал Петрищеву о своих планах - он собирался организовать экспедицию в район рек Вилюй и Подкаменная Тунгуска, в Сибири. И что он даже заручился поддержкой при дворе, получив от самого царя деньги на её организацию. Он звал Петрищева с собой, но помешала война и Петрищев, выехавший, было в Красноярск, где должен был встретиться с князем, вернулся в действующую армию. Больше они не виделись - капитан погиб в Восточной Пруссии. А сам князь С. вернулся в Петербург осенью 1916 года, но ни с кем не встречался, жил почти затворником и упорно избегал разговоров о своей экспедиции.

- Мне не к кому идти. - говорил бывший офицер, больше похожий на солдата наполеоновской армии, отступающего из Москвы, - И мне невыносима сама мысль, что всё может достаться этим... Я прошу Вас, Анна Ивановна, - сохраните это. Умоляю!

- О чём разговор? Конечно!

- Я верю, что их власть не навсегда. Рано или поздно эта фантасмагория закончится и тогда... Пойдёмте, Анна Ивановна, помогите мне!

Они вышли на крыльцо. Увидев гроб, Анна Ивановна ахнула было, но князь С. махнул рукой и, подхватив гроб, потащил его в дом.

- Я долго думал, как мне вынести всё это из дома, не привлекая внимания. Если бы я взял чемодан - то это заинтересовало бы грабителей, или патрули, которые мало чем от бандитов отличаются. И тогда я придумал - положу всё в гроб. Потому что даже у этих ещё сохранилось уважение к покойникам. Никто не станет реквизировать мёртвое тело. Только найдите для этого всего более подходящее вместилище.

Князь сдвинул крышку гроба. Анна Ивановна, немного подумав, принесла большой чемодан. Когда-то его смастерил своими руками великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев. Вдвоём с князем они переложили в чемодан несколько пухлых прошнурованных тетрадей и небольшой холщовый мешок, оказавшийся самым тяжёлым из принесённого князем.

Князь С. был расстрелян летом 1919 года по приговору Ревтрибунала. Примерно в то же время погиб и его единственный сын, офицер, служивший у Колчака.

Чемодан Анна Ивановна сохранила. Она неоднократно пыталась покинуть город с детьми и выехать в Осташков, где было сытнее и спокойнее, но у неё ничего не вышло. Но зато из Осташкова приехала вдова её старшего брата, морского

офицера, погибшего в Цусимском сражении - помочь, да так и осталась. Чемодан, в конечном итоге, достался ей. Вместе с заботой о младших детях.

Июнь 1924г. Ленинград

-Присаживайтесь, товарищи. - кивнул Арефьев. Четверо краскомов, в потрёпанных гимнастёрках и выгоревших добела будёновках, гремя стульями, подсели к столу. Жёлтые петлицы и "разговоры" на гимнастёрке одного указывали на то, что он артиллерист, синие петлицы и "разговоры" у троих других говорили об их принадлежности к кавалерии.

- Вы уже знаете, зачем вас вызвали. - скорее утвердительно произнёс Арефьев, - С этого момента вы являетесь сотрудниками Ленинградского ОГПУ. И интересует нас, в первую очередь, Север. А именно - побережье Белого моря и Восточная Сибирь. Её приполярные районы, а особенно - бассейны рек Вилюй и Подкаменная Тунгуска. Нам стало известно, что накануне Империалистической войны туда, на Вилюй, была организована экспедиция. И, вроде бы, они даже что-то нашли. Но вот незадача - все материалы пропали во время Гражданской войны. Руководитель экспедиции, как сейчас выяснилось, был нами расстрелян в девятнадцатом году, за участие в контрреволюционном заговоре. При обыске у него нашли много чего, кроме материалов по экспедиции. А они были. И много. И вот ещё что - почти все участники экспедиции и те, кто имел к ней хоть какое-то отношение, - либо погибли, либо умерли, либо в эмиграции. Иных уж нет, те - далече.

Арефьев помолчал, глядя в окно. Потом продолжил.

- Сейчас товарищ Бокий организует ещё одну экспедицию на Кольский полуостров, в район Ловозерских тундр и на побережье Белого моря. А наша с вами задача, товарищи, - Восточная Сибирь. Ну, и поиски материалов той, дореволюционной экспедиции.

Арефьев выдержал эффектную паузу, во время коей неспешно налил себе воды из графина. Краскомы молчали. Трое - заинтересованно, а один - скептически. Это был тот самый артиллерист. Арефьев допил воду.

- Товарищ Бокий, - со значением сказал он, - придаёт нашей, так сказать, миссии большое значение. Вам, товарищи, оказано огромное доверие. Нам удалось выяснить, что руководителем экспедиции был генерал царской армии, князь С. К сожалению - когда нам стало это известно - он уже был расстрелян. На допросах он ни словом не обмолвился о своей экспедиции. Да его и не спрашивали, если честно. Всё заговором интересовались. А вот про саму экспедицию известно

немного. Организовали её в 1914 году, как раз накануне войны. И целью её были плато Путорана, бассейны реки Вилюй и его притоки в верховьях и Подкаменная Тунгуска. Полностью провести исследования помешала война. Большинство участников экспедиции были офицерами и после начала войны вернулись в действующую армию. Но штатских участников экспедиции нам установить удалось. Первый - некто Рябцев Дмитрий Иванович. Профессор Университета, член Русского Географического Общества. В его задачи входило составление географического описания реки Вилюй и его притоков. Вторая - его жена - Ирина Рябцева. На должности секретаря. Она должна была вести дневник и вообще все документы. Ещё в состав экспедиции входили трое студентов Рябцева - Иван Кольцов, Николай Дементьев и Александр Остров. И один иностранный подданный. Некто Стюарт. Из всех перечисленных в городе в настоящий момент остался только Остров. Он и пролил некоторый свет на эту таинственную экспедицию и её деятельность. Рябцевы летом 1917 года выехали в Финляндию и в настоящее время находятся за границей, как и Стюарт, а Кольцов и Дементьев погибли во время Гражданской войны. Сам Остров утверждает, что до цели своей экспедиция так и не добралась. Вообще из его рассказа нам удалось выяснить немного. Сам он из обедневших дворян, проживает на Васильевском острове с незамужней сестрой и престарелой матерью. До Империалистической войны учился в Университете, но доучиться помешала война и революция. Во время Империалистической войны был санитаром в летучем госпитале. В экспедиции ему предложил принять участие профессор Рябцев. Причём, что интересно - беседовал он с каждым из студентов отдельно. А вся компания встретилась только в Красноярске. Что как раз подтверждает конспиративность экспедиции. О ней, повторяю, знал только сам царь. И несколько человек в окружении.

- А царя мы того... - некстати заметил один из краскомов.

- Н-да. - задумчиво произнёс Арефьев, - Вот и получается, товарищи, что действовать приходится вслепую. Итак, Члены экспедиции встретились только в Красноярске. Там же к ним присоединились ещё двое - из местного Университета. Кто это был - нам пока выяснить не удалось. Остров утверждает, что имён не помнит. Там же они наняли местных подсобных рабочих, проводников и возчиков с лошадьми. От Красноярска они ехали сначала на лошадях, дальше сплавлялись на лодках. Сам Остров покинул экспедицию, потому что сломал руку. В общем, товарищи, странного и непонятного с этой экспедицией много. И ещё, товарищи. Я, конечно, надеюсь на вашу революционную и большевистскую сознательность, однако, убедительно прошу вас всех сейчас дать мне подписки о неразглашении тайны.

* * *

Дальнейшие события ясности не внесли и оптимизма не прибавили. Новообращённые чекисты, при попытках выяснить хоть что-то о судьбе таинственной экспедиции и её целях постоянно натыкались на упорное, хотя и неявное, противодействие. Более того, - как будто некая высшая и таинственная сила противостояла любым попыткам приоткрыть таинственную завесу. Начать с того, что из города таинственным образом исчез главный фигурант и дела - Александр Остров. Служил он счетоводом в какой-то конторе там же, на Васильевском, и утром вышел на службу, но на обед домой не пришёл. Не вернулся и вечером. Встревоженные мать и сестра сообщили в милицию, но поиски по горячим следам результата не дали. Собственно, от милицейских чекистам и стало известно об исчезновении Александра. Острова объявили в розыск, но он как сквозь землю провалился. Потом выяснилось, что вместе с ним пропала и некая Зинаида Соболева. Соболева была сестрой университетского товарища Александра - некоего Михаила Соболева. И Соболев тоже поначалу должен был входить в число участников экспедиции, но в последний момент был исключён из неё. Ухватившись за возможную зацепку, чекисты бросились было к Соболеву, и узнали, что буквально накануне вечером бедняга попал под трамвай, и умер в больнице, не приходя в сознание! И так было во всём, едва дело касалось таинственной экспедиции. У чекистов поневоле опускались руки.

- Мистика какая-то! - воскликнул как-то бывший артиллерист. Его звали Артемий Водолажский, - Просто чертовщина какая-то!

- Ты мне это брось! - оборвал его второй новообращённый - бывший кавалерист Степан Иванов, - Для дела революционной важности никакой мистики быть не может!

- Но ты сам посмотри, Стёпа! - горячился Артемий, - Едва мы хоть на шажок, хоть на полшажка пытаемся приблизиться к разгадке тайны этой чёртовой экспедиции - как вмешиваются некие обстоятельства непреодолимой силы, как наш учитель в реальном училище говорил. Побеседовали мы с Островым - как он тут же пропал, как и не было его! Попытались Соболева привлечь - он под трамвай попал! А вместе с Островым пропала и сестра Соболева. Дальше - все, кто так, или иначе был связан с экспедицией - или погиб, или исчез и сейчас если и жив, то наверняка для нас недосягаем. Иных уж нет, а те далече. Слушай, Стёпа! А зачем она вообще была организована - эта экспедиция? Что там, на этой речке искали эти царские сатрапы? Ты знаешь? А нашему правительству это зачем? Что там на этом Вилюе-то есть такое?! И плато это! И почему нам именно надо всё это раскапывать?

- Нас партия на это дело поставила. - назидательно ответил Степан, - И не нам обсуждать её приказы.

- Хорошо. А что партии надо на этом Вилюе?

- А это уж не наше дело. Для дела революции надо нам найти материалы по экспедиции - и мы их найдём.

Глава 2. Нехорошее место.

- Здеся он, здеся, гражданин милицейский! Вона, сидит! Я ж говорю, шёл-шёл, а потом как сиганёт с моста! – уверял участкового ломовой извозчик.

- А ещё приличный человек! Как будто – и партиец даже! – добавила толстая баба с корзиной. На Боровском мосту уже собралась преизрядная толпа зевак, и участковому милиционеру пришлось потрудиться, чтобы добраться да перил моста. Внизу, в воде, на отмели, сидел человек в военном френче.

- Разойдитесь, граждане! Прошу не напирать! – это двое подошедших на помощь участковому постовых начали понемногу разгонять толпу.

- Я ж говорю, гражданин милицейский! – снова начал свою песню ломовик, - Еду через мост, а кобыла вдруг заартачилась. Стоит, храпит, фыркает. Ну, я её кнутом ожёг, а потом смотрю – этот, который там сидит – стоял на мосту, стоял, а потом как сиганёт!

- Гражданин! – участковый перегнулся через перила моста, - Вы меня слышите?

- Вытащите меня отсюда!

Участковый поморщился.

- Да что вас всех-то туда тянет?

Это был далеко не первый случай на его участке. Буквально едва весна вступила в свои права, и Обводный канал очистился ото льда – граждан как будто охватило какое-то поветрие. Недели не проходило, чтобы с Боровского или Ново-Каменного моста не прыгали в канал самоубийцы. Кое-кого удавалось спасти, но большинство гибли. В местном отделении милиции даже решили выставить по берегам канала патрули, чтобы те останавливали желающих свести счёты с жизнью, но это мало помогало. Те же, кого удавалось спасти, в один голос твердили, что прыгнуть в канал их понуждала какая-то неведомая сила. Некоторые, вроде бы, слышали голос, приказывавший им прыгнуть в канал.

Словом – налицо была картина массового помешательства, которое, к тому же, оказалось заразным.

Тем временем несостоявшегося утопленника достали из канала. Это был мужчина средних лет, явный партиец, так же, как и остальные несостоявшиеся самоубийцы, утверждавший, что его заставила прыгнуть в воду некая таинственная и неодолимая сила. Возмутителя спокойствия погрузили в извозчичью пролётку и повезли в отделение – писать протокол. Толпа на мосту постепенно начала редеть и расходиться. Но самое интересное ждало милиционеров по прибытии в отделение! Горе-прыгун оказался самим товарищем Месопотамским! Членом партии с 1903 года, соратником самого Ленина и прочая, и прочая, и прочая… Дело явственно запахло керосином и во избежание более серьёзных неприятностей милиционеры вызвали карету скорой помощи. Несгибаемого партийца отправили в психушку, ибо поступок его ну никак не вязался с партийным поведением. Не полагалось кремням-партийцам в здравом уме и твёрдой памяти сводить счёты с жизнью!

****

- Товарищ Водолажский! Гражданин Гвоздницкий по Вашему приказанию доставлен!

- Просите! – махнул рукой Водолажский и в кабинет, сопровождаемый чекистом, вошёл человек средних лет в поношенном, но опрятном костюме с галстуком. В руках человек держал шляпу и портфель.

- Я не понимаю, товарищи, за что меня арестовали? Я никогда не был…

- Никто Вас не арестовывал! – перебил его Водолажский, - Вас вызвали для беседы. Нам нужна Ваша помощь. Доктор Ефимсон сказал, что вы можете нам помочь. Присядьте.

Водолажский указал профессору на стул напротив.

- Доктор Ефимсон? Ах, Вы, наверное, по поводу Вашего товарища. Как там его? Месопотамского?

- В том числе. Расскажите нам, что Вы нашли.

- Да, собственно, не я! Рабочие копали какую-то канаву возле впадения Волковки в канал. Плиты лежали примерно на глубине 2-3 саженей. По-нынешнему – около 3,5 метров. Плиты лежали по кругу, в центре был большой плоский камень. Их

покрывали странные письмена.

- Что за письмена?

- Расшифровать их так и не удалось. Это была какая-то тарабарщина. Смесь латыни и древнееврейского. Я ошибся в датировке. Поначалу подумал, что это X век, а то и раньше, но потом понял, что это значительно более поздняя постройка – век XIV, а то и XV. Времена, когда шведы проводили активную экспансию в эти места. Если Вам известно, то до возникновения Петербурга, примерно в начале XIV века, шведы построили в устье Ижоры деревянную крепость Ландскрона – в переводе – «Венец Земель». Новгородцы, которым тогда принадлежал Приневский край, неоднократно сжигали её, но шведы несколько раз отстраивали её заново, пока в конце того же XIV века новгородцы не вынудили их отказаться от претензий на эти земли. Я думаю – появление захоронения относится именно ко времени постройки Ландскроны. Чьё это было захоронение – мне выяснить не удалось. Подробнее изучить кости не вышло, как и сами камни с письменами. Но у меня сохранились зарисовки. И я готов их передать вам, если это нужно для дела. Я настаивал на прекращении работ! Но меня не послушали! Товарищ, руководивший работами, сказал не обращать внимания на «хлам прошлого», а писать историю с 1917 года. А потом появилась статья в «Красной Газете», где меня обозвали ретроградом и мракобесом.

- Благодарю, товарищ профессор. А что же с камнями?

- Товарищ, руководивший работами, запамятовал, как его фамилия, распорядился увезти их в каменотёсную мастерскую. Говорят – распилили на поребрики. А кости куда-то выбросили. Но вот что мне удалось выяснить! Постройка канала изначально сопровождалась большими трудностями! Рабочие, занятые на его рытье, разбегались. Между ними ходили какие-то жуткие слухи о том, что эти места якобы прокляты. К тому же местные карелы утверждали, что копать канал ни в коем случае нельзя. Строительство забросили и вернулись к нему только во времена Александра Первого. И опять ситуация повторилась! Рабочие бунтовали и разбегались!

- Ну, бунтовали они, положим, против угнетателей. – резонно возразил Водолажский.

- Может и так. – согласился профессор, - Но когда строительство дошло до места впадения в канал речки Волковки, а это как раз интересующий Вас район и именно там были найдены камни с письменами, среди рабочих вспыхнул бунт. Они в один голос отказались рыть канал дальше, и со строительства канала началось повальное бегство. Закончилось всё печально. Бунт был подавлен

царскими войсками, а его зачинщиков повесили.

- И о чём это говорит?

- Возможно – рабочие что-то знали. Какие-то легенды ходили среди них. Наш город просто окутан ими и далеко не все из них можно считать выдумками тёмных необразованных людей, или попов и прочих угнетателей.

- Спасибо, товарищ профессор, можете идти.

- Всего доброго. – профессор поднялся, - Бумаги с информацией о камнях я пришлю.

- Мы пришлём к Вам курьера.

Профессор ушёл, а Водолажский задумался. За год, что они занимались расследованием и поисками таинственной экспедиции, дело не продвинулось ни на шаг. Зато появилось новое обстоятельство, совершенно, как казалось чекистам, не связанное с их основным расследованием. В 1923 году город захлестнула волна загадочных самоубийств. И все самоубийцы как сговорившись – кидались в Обводный канал! И ладно бы – простые несознательные граждане! Но когда в их числе оказался сам товарищ Месопотамский! Кое-кто в Смольном не поверил во внезапное помешательство старого большевика и его попытку наложить на себя руки. Всё произошедшее сочли покушением, устроенным контрреволюционным белогвардейским подпольем. ОГПУ уже второй месяц рыло носом землю. Но чем дальше рыло – тем меньше становилось понятным случившееся.

Всего же за 1923 год милиция зарегистрировала 89 случаев самоубийств. А сколько случаев осталось неизвестными? Вряд ли Угро сумело найти все трупы. Ефимсон, врач-психиатр, с которым чекисты связались в первую очередь, рассказал, что первые случаи самоубийств и необъяснимо-жестоких убийств в районе Борового и Ново-Каменного мостов, были зарегистрированы полицией ещё в 1913 году. Да и раньше ещё в XIX веке из канала нередко вылавливали самоубийц. Район Лиговки и Канавы пользовался в городе дурной славой – рабочие окраины, притоны, трущобы – обитали здесь те, кого жизнь вышвырнула на обочину. Дня не проходило без пьяных драк с поножовщиной, нередко заканчивавшихся убийствами.

- Чертовщина какая-то! – проворчал Водолажский. Верить во всю эту мистику большевику, вроде как и не полагалось, однако факты, копившиеся в объёмистых папках «дела» - были вещью упрямой. И, что самое интересное, – как только закончился 1923 год и наступил следующий – 1924 – самоубийства на

Обводном канале прекратились! Во всяком случае, в милицейских сводках их стало гораздо меньше!

О чём это говорит? – привычно задал себе вопрос Водолажский, - Не хватает данных. И сведений. Надо бы архивы запросить. И! Кстати! Говорил мне следователь из Угро, что работает у них один сыщик, который ещё при царской власти начинал служить. И как раз там, в районе Обводного.

Водолажский придвинул к себе телефон.

****

- Так. Что там у нас. За 1913 год… Таааак. Пыталась покончить с собой, бросившись с Ново-Каменного моста, некая Марфа Грязнова, девица лёгкого поведения. На допросе показала, что сводник, некто Франц Кекконен, чухонец, украл её сбережения и бежал. Он же, Кекконен, подбил её, Грязнову, к занятиям проституцией. Хм. Так. Дальше. Агриппина Проскурина, прачка, 10 октября 1913 года с годовалой дочкой шла через Боровой мост, направляясь домой. Внезапно бросила младенца в воду и следом бросилась сама. Её удалось спасти, а ребёнок погиб. На допросе показала, что «себе не вольна была». Как будто кто-то заставлял её так поступить. Так. Дальше. Хм. Альбина Ягелло. Чухонка. Вместе со своей подругой, карелкой Ириной Кузьминой, опоили мужа Альбины Франца водкой, задушили, и, разрубив тело на несколько частей, сбросили в канал. На допросе Альбина показала, что муж её регулярно избивал, и она хотела убить мучителя. Но действовала опять же, словно подчиняясь какому-то приказу. Якобы – опять «не вольна себе» была. Так. Дальше. Ирина Белова. Работница бумагопрядильной фабрики. Покончила с собой, бросившись в канал. При ней нашли записку, что она поступает так из-за несчастной любви. Ну, эта отпадает. У неё хотя бы мотив. Хоть и дурацкий. Так. Семён Павлов. Рабочий. Пытался прыгнуть в канал с Борового моста, был схвачен городовым и отведён в участок. По дороге и в участке нёс какую-то чепуху, казался пьяным, однако вином от него не пахло. Когда пришёл в себя ничего не помнил. Интересно. Кстати, Канаву, как её называли раньше, собирались засыпать ещё при царе. Да руки не дошли. Так. А это что? Таааак. Хм…

«Средневековая хроника Эрика Абосского гласит: в 1300 году маршал Торкель основал устье реки Охты крепость Ландскрону.

Хроника Эрика (Erikskr?nikan) является одним из древнейших шведских литературных памятников. Она была составлена в 20-е годы XIII в. неизвестным автором. В основу рифмованной хроники положена история династии шведских

конунгов — Фольгунгов — с момента ее основания в середине XIII в. до вступления на трон Магнуса Эрикссона в 1319 г. Хроника названа по имени отца Магнуса Эрикссона, герцога Эрика, который является ее главным героем.

Владычество шведской короны на берегах Невы закреплялось жестоко. Отряды маршала огнем и мечом прошлись по карельским поселениям на реках Кеме (Фонтанка) и Сутилла (Волковка). Там, на берегах Сутиллы, шведы наткнулись на капище, где идолопоклонники устраивали нечестивые шабаши, принося в жертву своим богам животных и собственных младенцев. Гнев ревностных христиан был беспределен: солдаты с яростью принялись сокрушать истуканов. И вот в самый разгар погрома из густого ельника появился безумный старик отвратительного вида и стал призывать на головы погромщиков месть всех сил Тьмы. Солдаты тут же убили старого нечестивца, но страх от заклинаний проник глубоко в их души, поскольку в те время рассказы о страшных возможностях карельских колдунов заставляли трепетать всю Скандинавию.

В Ландскроне нашелся некий человек весьма сведущий в тёмных, запретных учениях, который предложил вышибить клин клином. Маршал Торкель был непреклонным ревнителем веры, но всё же согласился на сомнительное предложение.

В одну из ночей на месте бывшего капища состоялся не менее гнусный и отвратительный шабаш, чем те, что разворачивались здесь прежде. Чтобы лишить заклинания колдуна силы, в жертву дьявола было принесено пять молодых карелок. Их кровью окропили гранитные плиты с выбитыми на них магическими словами и знаками, а трупы бросили в одну яму вместе с трупом колдуна. Затем знаток потусторонних тайн навечно заклял дух злобного старика и в завершение осквернил святое распятие. Как далее повествует хроника, «едва святотатство свершилось, по ночному лесу разнесся ужасающий хохот, и внезапно поднявшимся вихрем с корнем опрокинуло огромную ель».

Так. Очевидно – плиты – это, как раз и есть то самое капище, где похоронили колдуна и убитых девушек. А это что? Арсений Холодов, студент. Снимал угол на Обводном канале. Пытался покончить с собой. Был замечен городовым и спасён. Дал письменные показания:

« Я никогда не был склонен к самоубийству и депрессии, даже моральное самобичевание мне никогда не было свойственно. Мне всегда казалось, что я уверен в своих поступках и никогда не смогу причинить себе вреда. Никогда не буду ни о чём жалеть. Но недавно, в Купальскую ночь, идя по набережной Канала, я вдруг остро осознал, что живу зря, что жизнь моя пуста и нет ничего

на земле, что стоило бы моего существования на земле и у меня один исход – прямо сейчас броситься с парапета в Канаву. Я даже не успел заметить, как оказался на парапете набережной. Думать было некогда, да и не хотелось. Я стоял, любовался на спокойную водную гладь и думал, что скоро стану её частью. Что буду лежать на дне, где никто не увидит меня. Это было так странно и так несвойственно мне – я сейчас это понимаю. Это были не мои мысли. Но тогда сомнений у меня не возникало. Моя воля была полностью парализована. Мне оставалось сделать только один шаг…»

Так. А товарищами по Университету Холодов характеризуется как всеобщий любимец и душа компании. Человек весёлый и жизнерадостный. Дальше. 1903 год. Ещё одна вспышка самоубийств. 1893… Да. Всё верно. Всплеск убийств и самоубийств приходится именно на третий год каждого десятилетия. Если год заканчивается на 3 – жди неприятностей. Вот и не верь после этого в чертовщину! Эх, товарищ Водолажский! А ещё большевик! Маузер наградной имеешь от самого Блюхера! Но ведь против фактов не попрёшь! Чёрт-те что… И почему именно 3? Как говорит товарищ Арефьев – тайна сия велика есть.

Глава 3. «В Германии, в Германии, в далёкой стороне…»

Деньги обращались в ничто раньше, чем их успевали печатать. Зарплату рабочим и служащим выдавали дважды в день, и они в обеденный перерыв стремились её потратить до того, как полученные купюры станут бесполезной бумагой. Пачки рейхсмарок, ничем не обеспеченные, стоившие дешевле, чем затраты на их печать, служили игрушками детям. А на границах с вновь возникшими из ниоткуда государствами – Польшей и Чехословакией, чуть ли не каждый день вспыхивали перестрелки. Существующую границу не желал признавать никто – ни вчерашние провинции развалившихся империй, ставшие самостоятельными государствами, ни обглоданная со всех сторон, истерзанная и опутанная репарациями побеждённая в Первой мировой Германия. Горе побеждённым!

Ольга открыла последнюю банку сардин. Хлеб закончился ещё вчера, и больше съестных припасов в доме не было. За дешёвую меблированную комнату тоже было не плачено уже месяц. Работы тоже не было и не предвиделось – её и немцам-то не хватало, что уж говорить о двух русских эмигрантках?! Пока был жив дядюшка – Ольге иногда перепадали от него небольшие суммы, но пару недель назад дядя внезапно скончался, а его супруга, ныне вдова сразу дала понять Ольге, что больше не даст ей ни пфеннига. Дядя был братом матери Ольги. Родители сгинули в кровавой неразберихе Великой Русской Смуты. А

Ольга с подругой Марией после долгих мытарств и скитаний оказалась в Берлине.

А ведь было же когда-то! И белоснежные дачи на берегу сверкающего озера в окрестностях Петербурга, где шёлковые коты лежали на атласных подстриженных лужайках, а в тенистых садах бродили кисейные барышни, нежные кружевные тени на белой вязаной скатерти, густой янтарный чай в чашках кузнецовского фарфора, клубничное варенье, которое варила Матрёшенька и сама Матрёшенька, и игры в серсо, и…

Из воспоминаний выдернул голос Марии:

- Что теперь делать будем?

- Не знаю. – честно ответила Ольга.

- У нас что – действительно больше ничего нет?

- Ничего. И продать тоже больше нечего. Я мамино колечко продала. И эта твоя фрау Кюгель…

- Она сказала, что больше не будет давать нам деньги. Самим не хватает. Мария задумалась.

- Давай есть. – сказала Ольга.

Сардины были съедены в один присест.

- Я вспомнила. – Мария облизала перепачканную в масле вилку.

- Что?

-Помнишь, на похоронах твоего дяди был этот, ну… - Мария пощёлкала пальцами в воздухе, словно подзывая выскочившую из памяти фамилию, - такой, надутый, с бородкой…

- Помню. Я его видела несколько раз у дяди. Фамилию запамятовала.

Мария хихикнула.

- Я тоже.

- Он, кажется, дядин друг. Был?

- Вот. А что если нам попросить денег у него? – предложила Мария.

- Ты что?! А как отдавать? – замахала руками Ольга.

- Ну, или пусть составит нам протекцию. Поможет приискать место.

- Да. Но мы не знаем, ни как его зовут, ни где живёт.

- А ты у тётки спроси.

- Да мне боязно к ней идти. Опять решит ещё, что я пришла денег просить.

- А всё-таки попробуй. Попытка не пытка. А голод не тётка.

- А если тётка не знает?

- А если бы да кабы… - начала сердиться Мария, - Ты что – хочешь с голоду здесь помирать?

Вернулась Ольга только к вечеру. Довольная и в хорошем настроении. На настойчивые расспросы Марии рассказала, что тётка вначале не хотела её пускать, но узнав о цели визита, неожиданно смягчилась и дала адрес дядиного друга. Звали того Клаус фон Готлиб. И жил он довольно далеко – в пригороде Берлина, куда Ольге пришлось добираться пешком. На её счастье герр Клаус оказался дома и даже любезно согласился принять её. Мало того! Ольге был оказан поистине королевский приём! Её усадили за стол с хозяевами, накормили обедом, а далее начались и вовсе чудеса! Герр Клаус был потрясён рассказом Ольги и немедленно выказал желание поучаствовать в судьбе обеих девушек. Речь шла даже не о рекомендациях и протекции в поисках места работы. Нет! Герр Клаус предлагал им нечто более масштабное и прибыльное! Во-первых: герр Клаус вызвал своего бухгалтера, или управляющего – Ольга так и не поняла – и велел тому погасить долги девушек. Во-вторых: он сказал, что готов предоставить им жильё в своём доме. А дом у него большой, сказала Ольга.

- Нам нужно собрать вещи и ждать – завтра за нами приедут. – добавила Ольга.

- А чем нам заниматься-то придётся? Неужели в содержанки пойдём? А по мне – так я и в содержанки готова. Лишь бы не с голоду умирать. Помнишь, как мы в 19-м году? – сказала Мария.

****

Обещанный автомобиль прибыл за девушками ровно в полдень. Вещей у подруг особых не было – всё уместилось в два небольших узла, с которыми они и

устроились на мягких кожаных подушках сверкающего «Хорха».

В особняке герра Клауса девушкам отвели отдельные комнаты на верхнем этаже. Комнатки были небольшие, но светлые и хорошо обставленные. Ольге её комната напомнила ту, что была у неё когда-то в их смоленском имении. Бесшумно появившаяся горничная сказала, что поможет ей устроиться на новом месте и проводит девушку к хозяину. Герр Клаус ждёт в кабинете.

Кабинет оказался по совместительству и библиотекой. Это была просторная, но полутёмная комната, заставленная высокими книжными шкафами и тяжёлой довоенной мебелью. Почти весь центр её занимал внушительных размеров письменный стол с массивным письменным прибором. Всё было тяжёлое, массивное, добротное и богатое. Девушек усадили в холодные кожаные кресла. Герр Клаус появился откуда-то из-за книжных шкафов. На нём была домашняя стёганая куртка с блестящими отворотами, мягкие брюки и вышитые восточные туфли с загнутыми носками. Он галантно подошёл к ручке каждой из девушек, потом коротко расспросил их о том, как они жили, посокрушался о смерти Ольгиного дяди.

«На что же он живёт?» - мельком подумала Ольга, - «Присутственные часы, а он дома. Наверное, фамильное состояние. Таким никакая инфляция не страшна!»

Между тем герр Клаус продолжал говорить. Он говорил об ужасных бедствиях, обрушившихся и на Россию, и на Германию, о горе и страданиях многих людей в разных странах, о потрясениях, обрушившихся на старушку-Европу. О поражении в войне. О революции. Девушки переглянулись. Ни та, ни другая так и не поняли пока – куда он клонит.

- Политический, что ли? – украдкой шепнула Мария подруге. Ольга только пожала плечами. На политического герр Клаус как-то слабо походил. Да и вообще – насмотрелись в своё время обе девушки на революционные массы.

- Нашему возлюбленному Фатерлянду выпало ужасное унижение. – продолжал вещать герр Клаус, - Поражение в войне принесло неисчислимые бедствия и нужду некогда процветающей державе. Все, кому небезразлична судьба Германии, жаждут реванша и национального возрождения.

Точно – политический! – подумала Мария.

- Однако возрождение невозможно без идеи. И дать такую идею – наша задача. Я, собственно – торговец идеями, если так можно выразиться. И мне нужны помощники.

- Но чем… - начала было Ольга.

- Терпение, дитя моё. Я расскажу вам всё. Скажите, вы слышали о спиритизме? В самих сеансах участвовать приходилось?

- Один раз. – честно призналась Мария, - в 17-м году, сразу после отречения Государя.

Ответ герра Клауса вполне удовлетворил. А Ольга почувствовала себя совсем сбитой с панталыку - что общего может быть между политикой и спиритическими сеансами? В их семье подобных вещей не одобряли. Над охватившей в начале XX века Россию лихорадочной модой на оккультизм, эзотерику и прочую мистику отец откровенно потешался. Но Ольга решила пока ничего не говорить, а выслушать до конца. Герр Клаус тем временем продолжил. И речь пошла именно о тайных обществах медиумов, которые собирались в доме у герра Клауса. Одна из таких встреч была назначена на сегодня и девушек настоятельно приглашали принять в ней участие.

«Ничего не понимаю! – подумала Ольга, - Политика, спиритизм, тайное общество. Причём здесь это всё?! А может – этот герр Клаус просто ловкий проходимец?»

Эта мысль немедленно породила желание бежать. Но куда? Куда ей идти? Ни жилья, ни родных. Мария – единственный близкий человек, её связь с прежней жизнью. И Мария готова принять правила игры, которую ей предлагают. А может – и мне тоже? Хуже уже не будет.

- Я буду давать вам книги. – сказал Герр Клаус, - Моя библиотека в вашем распоряжении.

****

В отличие от подруги Ольге на спиритических сеансах никогда бывать не приходилось. Собравшихся было немного – всего пять человек, да ещё сам герр Клаус и Ольга с Марией. Сеанс проводили в том же кабинете-библиотеке, где хозяин накануне беседовал с девушками. Ольга украдкой с интересом рассматривала гостей. Двое мужчин были явно военными, хоть и пришли в гражданском платье, третий – молодой парень в студенческой тужурке и со шрамом на лице и две женщины – то ли мать и дочь, то ли тётя с племянницей. Девушка была ровесницей Ольги с Марией, или чуть постарше. Одета она была в простое тёмное платье без украшений, добротное, сшитое наверняка ещё до войны. У неё было узкое чистое лицо с правильными немного резкими чертами,

серые холодные глаза и длинные тёмно-русые волосы, свободно распущенные по плечам почти до пояса. Дама была одета в строгий костюм и белую блузку. Длинный узкий нос оседлало старомодное пенсне. И волосы её были туго стянуты в узел, а голову покрывала шляпка с вуалькой. Шляпку за весь вечер она так и не сняла. Даже вуаль не откинула. Герр Клаус представил гостям сначала Ольгу с Марией, потом по очереди представил девушкам всех гостей. Военных звали фон Тилен и Клаус Бек (так они отрекомендовались), студент назвался Карлом Штрюмпфелем «изучаю химию» - как он сказал, даму звали Клара Зюсс, а девушку Хельга. И она была медиумом.

- Я думаю – сегодня у меня получится. – сказала Хельга, обращаясь к хозяину дома, - Я чувствую, что они хотят говорить со мной.

Герр Клаус удовлетворённо кивнул.

- Что наши люди в Мюнхене? – вопрос хозяина относился к военным.

- Там объявился некий австриец, бывший ефрейтор. Выступает по пивным. Крикун. Но народ его слушает. – ответил Бек.

- Откуда он взялся – никто толком не знает, - подхватил фон Тилен, - Старые члены движения всерьёз его не воспринимают, но этот Шикельгрубер быстро завоевал себе союзников.

- Его фамилия Шикельгрубер? – переспросил герр Клаус.

- Да. Он австриец. Из Линца, кажется. – ответил фон Тилен.

- Ну что ж. – кивнул герр Клаус, - Пожалуй, начнём, господа.

Спиритический сеанс совершенно не был похож на тот, на котором Мария присутствовала у себя дома, в Петербурге вскоре после отречения царя Николая Второго в феврале 1917. Столоверчением на этом сеансе никто не занимался. Вместо этого на середину библиотеки вытащили и поставили рядом со столом трёхногую медную курительницу, куда положили угли из камина, а герр Клаус насыпал на них какой-то сероватый порошок из мешочка. Потом откуда-то явился бубен наподобие шаманского, в который принялась бить Хельга. Сначала она кружилась в каком-то сложном танце, потом рухнула в кресло и заговорила на каком-то непонятном языке. Ольге казалось, что она смотрит какой-то странный спектакль. Что это театр, а она – одновременно и зритель, и участница действа, сюжет которого ей неизвестен. Тем временем Хельга заговорила по-немецки, хотя голос её звучал странно – он был низким, сиплым, словно задушенным. И смысл сказанного всё время ускользал от Ольги. Что-то, сколь

она смогла уразуметь, говорилось там о древних арийцах. Да, об арийцах. Но как это всё было связано с поражением Германии в войне и прочей политикой – девушка так и не поняла.

Тем временем сеанс закончился. Снова говорили о политике, о каком-то «Движении», о Мюнхене, о странном австрийце с зубодробительной фамилией Шикельгрубер. Герр Клаус почему-то очень им заинтересовался. Мария тоже участвовала в разговоре, а про Ольгу, кажется, все забыли. От нечего делать девушка принялась изучать корешки книг в шкафах. Те, что были ближе всего, почти все были посвящены эзотерике, магии и прочей мистике. Попадались среди них и книги на русском. Одну из них, на корешке которой значилось «Елена Блаватская» - Ольга и вытянула.